

Вальдемар Михович

(Лодзь)

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ
В ОБЛАСТИ РАЗОРУЖЕНИЯ
В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Проблема разоружения в период между двумя войнами являлась одним из важнейших объектов интереса польской и советской дипломатий. Ее значение увеличивалось с течением времени, а в 1931–1934 г. стала центром действий обоих государств. К тому же, проблематика разоружения была основой дипломатической деятельности СССР в этот период, так, как и других государств. Она являлась истинной частью советской доктрины о безопасности.

Уточнение отношения к проблеме разоружения Советским Союзом и Польшей произошло впервые в 1922 г. Как член Лиги наций Польша должна была руководить генеральными основами заключенными в параграфе 8 Пакта Лиги. Это обозначало оптацию на счет сокращения народных вооружений ведущего к минимуму, который обеспечивал народную безопасность; непреодолимость установленного уровня вооружений без согласия Совета Лиги наций, а также информирование членов Лиги о состоянии вооружений и военной промышленности. Для Варшавы вопросом о основном значении было с одной стороны довести к действительному разоружению Германии, согласно с решениями Версальского мирного договора, зато с другой – соблюдать Германией военные клаузулы этого договора.

В польских правительственных кругах существовало сильное сознание неблагоприятного географического и стратегического положения государства находящегося между двумя великими державами, критически относящимися к Версальскому мирному договору и популяризирующими его ревизию. Недавняя польско-советская война оставила после себя глубокое недоверие по обеим сторонам границы. Это недоверие углубил

договор в Рапалло (1922 г.), скрывающий угрозу совместного немецко-советского действия против Польши, а затем немецко-советский договор с 24.04.1926 г., в результате которого углубилось политическое, экономическое и военное сотрудничество Советского Союза и Веймарской Республики. В начале двадцатых годов в Польше распространялось убеждение, что польские вооруженные силы недостаточно развиты, особенно авиация, бронетанковые войска и военно морской флот, чтобы выполнить оборонные задания. Все это, как и трудная экономическая ситуация уничтоженной войной страны ориентировала государственные круги на доброжелательное отношение к предложениям ограничения непродуктивных военных расходов а не радикального сокращения количественного состояния армии и военного материала, а также решения международных споров при помощи политических средств. Такая позиция являлась совпадающей с французским тезисом о необходимости сохранения существующих вооруженных пропорций в Европе и развития системы международной безопасности. („Сначала безопасность, потом разоружение”)¹.

Учитывая вышеуказанные предпосылки Польша отнеслась отрицательно, в феврале 1922 г., к так называемому плану лорда Эшера, который предусматривал непосредственное сокращение вооруженных сухопутных сил применяя в расчетах о сокращении единицу величиной в 30 тысяч человек. В практике это обозначало бы для Польши необходимость сокращения армии до 120 тысячи (зато для Франции – 180 тысяч)².

Советскую точку зрения по делу разоружения формировало несколько идеологических и политических элементов. Положительное отношение Советской России ко всем планам сокращения вооружений вытекало из марксистско-ленинских аргументов о необходимости ликвидации милитаризма как источника войн, что нашло свое отражение в „декрете о мире” с 8.02.1917 г. Ленин был убежден, что после оконченной только что мировой войны международное общественное мнение более, чем когда-нибудь является пацифистическим и антимилитаристическим. Поэтому Ленин лично подготовил директивы для советской делегации на Генуэзскую конференцию (1922 г.), приказывая ей формулировать концепцию всеобщего ограничения вооружений³. Кажется, что советская

¹ Подробности см.: W. Michowicz, *Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska*, Łódź 1984, с. 20 и др.; M. Vaisse, *Sécurité d'abord. La politique française en matière de désarmement, 9 décembre 1930–17 avril 1934*, Paris 1981, с. 26–34.

² Ph. J. Noel-Baker, *Disarmament*, London 1927, с. 74–76; A. Bregman, *La politique de la Pologne dans la Société des Nations*, Paris 1932, с. 181.

³ [W. Lenin], *Nieznane listy, notatki, przemówienia Lenina z lat 1917–1922*, Warszawa 1962, с. 302–303.

явность в этом деле была связана в большой степени с требованиями экономии. Понятным являлось, что любое ограничение военных расходов увеличивало возможность осуществить смелые планы экономической перестройки и создания нового порядка общественной справедливости⁴.

Одновременно целые годы в СССР государственные и партийные руководители ощущали угрозу со стороны окружающих страны капиталистических государств, вытекающую из интервенции западных держав в 1918–1920 г. и войны с Польшей, которая считалась инструментом этих держав.

Советский Союз, стоящий до 1934 г. вне Лиги Наций имел большую свободу действий. Свою политику по разоружению он осуществлял учитывая идеологические предпосылки, как и интересы безопасности своего огромного государства, с очень невыгодными параметрами с оборонной точки зрения (расширенная пограничная линия, плохая сеть мощных и железных дорог, возможность блокады немногочисленных морских портов и т.д.).

Столкновение советской точки зрения с вопросом о разоружению впервые произошло в 1922 г. Стремясь к укреплению чувства безопасности между Советской Россией и своими западными соседями Москва выступила с инициативой организовать конференцию по разоружению⁵. Уже в первый день конференции в Москве – 2 декабря – чувствовалось разногласие между советской делегацией и такими государствами как: Польша, Эстония, Финляндия и Латвия. Этот блок, которым руководила Польша оказал сопротивление советскому предложению сокращения вооруженных сил до 1/4 актуального состава в течение 1,5–2 годов, сокращения военных бюджетов и многих других решений (м.д. создания свободной от вооружений зоны). На первый план он поставил проблему безопасности и вопрос „политично-морального разоружения”. Стремясь к достижению компромисса советская делегация согласилась на параллельные переговоры на счет арбитража, польского проекта пакта о ненападении и вопроса о материальном разоружении. 9 декабря было достигнуто соглашение на счет пакта о ненападении, но по делу пропорционального сокращения вооруженных сил, а также сокращения военных бюджетов выступили

⁴ 24.02.1932 г. K. Radek w rozmowie z polskimi dyplomatami powiedział: „Od utrzymania pokoju zależy możliwość wykonania wielkiego planu gospodarczego Sowietów, który osiągnięty będzie [...] po 4 dopiero dalszych piatiletkach;” Archiwum Instytutu Polskiego i Muzeum im Gen. Sikorskiego w Londynie (dalej: AIMS), DRPLN A.41/4, k. 118. Notatka E. Raczyńskiego z 24.02.1932 г.

⁵ См.: В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами)*, Москва 1959, с. 61–108.

так принципиальные расхождения, что не удалось их преодолеть и конференция кончилась неудачей. Оценивая теперь, можно сказать, что на судьбу конференции повлияло с одной стороны недоверие соседних государств к хорошим намерениям Советского Союза, с другой – отсутствие доверия Советской России к Польше, которая по ее мнению маскировала агрессивные цели фразеологией „политично-морального разоружения”. Однако факт совершения московской конференции, оконченной согласным заявлением, что участвующие государства не собираются предпринимать никакие агрессивные действия в восточной Европе поспособствовал увеличению уровня безопасности, на который повлияло одностороннее сокращение вооруженных сил СССР на 25% в конце декабря 1922 г.⁶

Признаком недоверия к Советскому Союзу была позиция, какую заняла польская дипломатия в начале деятельности подготовительной Комиссии и Конференции по разоружению, которая началась в мае 1926 г. Когда на III сессии Комиссии предметом дискуссии стали два проекта конвенции по разоружению (французский и английский), польская делегация сосредоточилась на том, чтобы добиться для Польши и других соседей СССР привилегии „специальной ситуации”, в случае принятия проекта конвенции. Многие предпосылки указывают на то, что именно делегат Польши был автором и защитником предложения: „Высокие складывающиеся стороны признают возражения, которые могли бы быть предприняты Эстонией, Финляндией, Латвией, Польшей и Румынией в тот момент, когда эти государства будут подписывать настоящую конвенцию и которые ставили бы своей целью временную отмену выполнения [...] параграфов настоящей конвенции в таких же условиях, как вышеуказанные государства”⁷. Этот текст вошел в проект конвенции по разоружению как параграф ЭЦ и получил в политическом языке название „русской клаузулы”. Его включение в проект конвенции было простым, так как делегация СССР не принимала участия в трех первых сессиях подготовительной Комиссии из-за напряжений в советско-швейцарских отношениях вызванных убийством советского делегата на конференцию в Лозанне В. Воровского в 1923 г.

Советский Союз включился в работу подготовительной Комиссии, начиная с 4-ой сессии в 1927 г. „Русская клаузула” привела к столкновению между обоими делегатами лишь в декабре 1930 г. во время второй части 6-ой сессии. В дискуссии над отчетом о работе (6–9.12.) Комиссия считала, что присутствие Советского Союза в Женеве

⁶ J. Kumaniecki, *Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921–1923*, Warszawa 1973, с. 138 и др.

⁷ W. Kulski, *Przed pierwszą powszechną konferencją rozbrojeniową*, Warszawa 1931, с. 33.

является равнозначным с отсутствием основ для сохранения параграфа ЭЦ в конвенции, тем более, что советская делегация ярко выступала против ее сохранения. Она воспротивилась также предложению отсрочки решения в этом деле до созыва Конференции по разоружению. Руководитель польской делегации генерал Т. Каспжицки защищал польскую позицию аргументацией о исключительном характере государственной и политической формы Советского Союза. В конце концов подготовительная Комиссия отбросила протест СССР, но делегации Польши, Румынии и Финляндии согласились исключить параграф ЭЦ из конечного текста проекта конвенции, однако при условии сохранения права представить проблему заново во время заседания будущей Конференции по разоружению⁸.

„Русская клаузула” стала предметом официального протеста советского правительства по отношению к Варшаве (18 декабря), что нашло свое отражение на заседании Комиссии Сейма по иностранным делам 10.01.1931 г. Польский министр иностранных дел объяснил, что „польское правительство хочет только обеспечить себе возможность не связываться решениями конвенции в случае, если бы наш восточный сосед не приступил к конвенции на таких же, как и мы условиях”⁹. Надо заметить, что Польша не собиралась антагонизировать взаимоотношения с СССР, о чем свидетельствовало полное замалчивание в правительственных средствах массовой информации спора касающегося „русской клаузулы”. Это было связано с возможностью возобновления переговоров по делу польско-советского пакта о ненападении.

„Русская клаузула” не являлась единственным спорным вопросом в решении проблемы разоружения Польши и Советского Союза. В 1927–1928 годы советская делегация в подготовительной Комиссии сыграла историческую роль, выступая с планом всеобщего и полного разоружения (30.02.1927, 15.02.1928)¹⁰, а после его отклонения, борясь за принятие конвенции о неполном разоружении (предложения с 23.03.1928 г.), основанном на принципе постепенного сокращения всех видов вооруженных сил в зависимости от количественного состава вооруженных сил разных государств.

Польская делегация отрицательно отнеслась к обоим вопросам. Планы всеобщего разоружения считались в Варшаве маневром чисто пропагандистским. Проект постепенного сокращения обозначал для

⁸ См.: W. Michowicz, *Sprawa tzw. klauzuli rosyjskiej w pracach Przygotowawczej Komisji Rozbrojeniowej*, „Z dziejów stosunków polsko-radzieckich”, 1969, т. 4, с. 105–127.

⁹ „Gazeta Polska” 1931, nr 11.

¹⁰ См.: М. В. Хайцман, *Советские проекты конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении и о сокращении вооружений в Подготовительной комиссии*, „Acta Universitatis Lodzianensis” 1983, Folia historica 17, с. 99–126.

Польша угрозу уменьшения ее вооруженных сил на 50%. Министр А. Залески в инструкции для руководителя польской делегации в Женеве писал, что „в настоящем состоянии безопасности можно говорить только о ограничении, а не о уменьшении вооружений”¹¹. Это обозначало, что польское правительство хотело сохранить актуальное статус-кво, которое давало Польше преимущество над Германией. Польская делегация в подготовительной Комиссии воздержалась однако от нападок на Советский Союз, ограничиваясь кулуарными попытками преодоления советских концепций, стремясь с одной стороны сохранить „русскую клаузулу” в проекте конвенции, зато с другой не антагонизировать взаимоотношения с Советским Союзом, учитывая открывающиеся перспективы – казалось тогда близкие – заключить с ним пакт о ненападении.

Конечно, сохранение на долгое время такой тактики являлось невозможным. Польская делегация признала уместным критически отнестись к советским предложениям „постепенного и пропорционального разоружения” предъявленным в первой части Конференции по разоружению (11.02. и 12.04.1932 г.). Суть этих замыслов заключалась в применении разного коэффициента сокращения вооруженных сил в зависимости от классификации государств в одну из трех групп. Итак: 1) предусматривалось сокращение на 50% сухопутных сил государств имеющих армию свыше 200 тысяч, а также военно-морской флот совместным водоизмещением в свыше 500 тысяч тонн; 2) сокращение с 0% до 50% для государств имеющих сухопутные войска с 30 до 200 тысяч солдат, а военно-морской флот с 100 до 500 тысяч тонн; 3) не подвергались сокращению армии государств насчитывающих меньше 30 тысяч сухопутных войск и меньше 100 тысяч тонн совместного водоизмещения военных кораблей. В авиации точно определено только количество самолетов третьей группы государств, которые не подвергались сокращению – 100 машин. Составы не подвергающиеся сокращению на 50% и с 0% до 50% должна была определить Конференция в другой срок¹².

В основе этого советского плана о частичном разоружении лежал замысел начала процесса полного и всеобщего разоружения путем принятия в первом этапе принципа пропорционального сокращения, которое не внесло бы важных изменений в существующее соотношение сил. Однако такая концепция не нашла поддержки у польского правительства. Правда, министр Залески формально внес готовность

¹¹ Archiwum Akt Nowych, MSZ PI, w. 174, t. 1, c. 2. Instrukcja A. Zalewskiego dla F. Sokala z 2.04.1919 r.

¹² См. Документы внешней политики СССР, т. 11, Москва 1966, с. 116–120.

Польша значимо ограничить и сократить вооруженные силы, но высказался за высшие коэффициенты сокращения для больших держав и обращал внимание на отсутствие полных информации о состоянии вооружений некоторых государств. Для Польши невыгодным являлось зачисление ее вооруженных сил в группу государств с предусматриваемым 50% коэффициентом сокращения. Польша должна была бы сократить армию до около 130 тысяч солдат. По официальным данным, которые были переданы Лиге наций, Красная армия должна была насчитывать 562 тысячи солдат. Однако польские эксперты подсчитали, что ее действительный „годовой школьный контингент” равнялся количеству 850 тысяч человек. Они оценивали, что безопасность требовала бы сокращения состояния Красной армии до уровня совместного паритета вооруженных сил Польши и Румынии. Экспертам не нравилось также советское предложение, что контроль сокращения вооружений будет вести рабоче-профессиональные организации и международные объединения¹³.

Польская делегация критически отнеслась также, во время Конференции по разоружению в Женеве, к советской концепции приращения при сокращении вооружению трех групп элементов безопасности: географических (величина территории, длина границ и т.п.), специальных (напр. развитие приграничной железнодорожной сети) и политических (союзы или военные конвенции заключенные с другими государствами). Понятным было, что принятие советских критериев вполне перечеркнуло бы возможность добиться радикальных сокращений вооруженных сил Советского Союза до паритета Польши и Румынии. Особенно выгодным для СССР был территориальный критерий (21,176 квадратных километров) и длина сухопутных и морских границ (35 тысяч километров). Советский Союз мог также легко доказать, что состояние его безопасности является неудовлетворительным, так как страна „политически изолирована”¹⁴.

Советская дипломатия отнеслась тоже очень осторожно к польским концепциям предъявленным на Конференции по разоружению. В феврале 1932 года Польша развила оживленную деятельность на счет осуществления идеи так называемого морального разоружения согласно предложениям предъявленным польским правительством 17.09.1931 г. Эта концепция предусматривала: осуждение войны и наказуемость действий опасных для мира, запрет, а также наказуемость распространения журналистами фальшивых информации о очередных

¹³ Projekty redukcji zbrojeń na Konferencji Rozbrojeniowej, „Przegląd Wojskowy” 1932, z. 32, s. 13–14.

¹⁴ W. Michowicz, *Genevska Konferencja Rozbrojeniowa...*, s. 168–170.

странах, создание системы средств защищающих молодежь перед привитием ненависти к другим народам, применение идеи морального разоружения в передачах по радио, в театрах и в кино¹⁵. Советский Союз критически отнесся к этим концепциям. Пользуясь опытами с московской конференции с 1922 г., Советский Союз считал эти планы тактическим маневром, который по его мнению маскировал польские действия на счет гонки вооружений¹⁶. Эта оценка являлась ошибочной, потому что польское государство не имело соответствующих средств, чтобы осуществлять эту гонку, а также не соглашалось на участие в этой гонке Германии. Целью плана по моральному разоружению была оборона статус-кво Польши, особенно перед ревизионистской политикой Германии¹⁷. Надо заметить, что на форуме разных комиссий Конференции по разоружению, делегация СССР непосредственно не критиковала польскую концепцию морального разоружения. Она только подчеркивала необходимость предварительно достичь договора касающегося материального разоружения¹⁸.

Надо обратить внимание, что во время Конференции по разоружению обе делегации избегали существенных споров и обвинений друг против друга. Исключением было столкновение на переломе мая и июня 1932 г. в деле качественного ограничения бронетанковых войск. В ходе дискуссии в сухопутной Комиссии советская делегация (между прочим с делегатами Германии, Италии и США) защищала тезис, что все танки без исключения должны подвергаться качественному разоружению. Польская делегация, которую поддерживали государства Малой Антанты и Швейцария, стремилась доказать, что при решении этого вопроса надо также брать во внимание возможность преобразовать тяжелые гусеничные тракторы в бронетанковое оружие. Представленный генералом С. Бурхардт-Букацким пример производства 140 таких тракторов в день фабрикой в Сталинграде вызвал возражение советского делегата А. Луначарского. Его результаты успокаивали обе стороны в кулуарах, учитывая завершающийся только что польско-советский договор о ненападении (подписан 25.07.1932 г.). Окончательно советская делегация согласилась, чтобы в рапорте сухопутной Комиссии сохранить польскую редакцию записи о существующей общности между качественным разоружением танков и возможностью использования в их производстве фабрик тракторов¹⁹.

¹⁵ Там же, с. 111–114.

¹⁶ Р. М. Илюхина, *Лига наций 1919–1934*, Москва 1982, с. 278.

¹⁷ Подробное обоснование – см. W. Michowicz, *Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym*, „Kwartalnik Historyczny” 1975, nr 2, с. 326–326, 345.

¹⁸ „Journal de la Conférence” 1932, nr 111, с. 904–905.

¹⁹ W. Michowicz, *Realizacja przez ZSRR leninowskich koncepcji rozbrojenia a dyplomacja polska 1927–1934*, „Z dziejów stosunków polsko-radzieckich” 1970, t. 7, с. 130–131.

Другим элементом, который антагонизировал польскую и советскую стороны было отношение к немецким требованиям „Гляйхберехтигунг”. Польша решительно воспротивилась этим планам. Зато советская дипломатия поддерживала эти немецкие требования, потому что они нарушали Версальский мирный договор и заставляли бы большие державы конкретно действовать в области сокращения их вооруженных сил²⁰.

В новой политической обстановке, когда в Германии власть была овладена Гитлером и его партией, польская сторона положительно отнеслась к советским проектам „декларации касающейся определения агрессии” с 6.02.1933 г. Польский делегат З. Рачиньский предъявил „полную поддержку” польского правительства, особенно подчеркивая значение критерия нарушения территории как „основной критерий агрессии”. Он сыграл также важную роль в медиациях, которые должны были бы обеспечить участие в региональной конвенции о определении агрессора Румынии, когда оказалось, что советская концепция не была поставлена на голосование в общей Комиссии. Польская сторона не высказывалась за всеобщую конвенцию, выбирая региональный вариант, предусмотрен для соседей Советского Союза, который как будто должен был бы дополнить договоры о ненападении подписаны Советским Союзом с этими государствами. Подписанную 3.07.1933 г. региональную конвенцию о определении агрессора министр Ю. Бек оценил как новый шаг „на пути к стабилизации и сохранению мира в восточной Европе”²¹. Зато польский делегат в Женеве З. Рачиньски подчеркивал, что она является „единственным, хотя промежуточным, хорошим результатом Женевской Конференции по разоружению”, имеющим для Польши важное значение²². Он доказывал, что для СССР вытекают следующие пользы: 1. максимальная пацификация их западной стены, так нужна тогда, когда на Дальнем Востоке возможным является конфликт с Японией, 2. дополнительные обеспечения перед какой-нибудь попыткой интервенционистской политики буржуазных государств по отношению к Советам, которая является объектом постоянной заботы советского правительства, возможность которой появилась в момент включения гитлеровской Германии в блок 4-ех. Никакая вооруженная антисоветская интервенция невозможна вопреки Польше, а вероятно даже без ее участия”²³.

Отход гитлеровской Германии 14.10.1933 г. из Конференции по разоружению обе дипломатии – польская и советская – признали

²⁰ Эту проблему нужно подробно исследовать.

²¹ *Documents diplomatiques français 1932–1939*, 1re Série (1932–1935), t. 3, dok. 446, c. 817.

²² AIMS, DRPLN A.41/9, k. 3. Raport sumujący E. Raczyńskiego z 4.07.1933 r., ściśle tajny.

²³ Там же, к. 4–5.

невыгодным явлением. По анализу тогдашней советской прессы вытекало, что в Москве этот шаг считался доказательством входа гитлеровской Германии на путь увеличения вооружений и военных подготовок. Для польской стороны демонстрационный немецкий шаг имел далеко большее значение и выходил за пределы проблемы разоружения. Отрицательный результат польских задачей в Париже касающихся возможности совместного противодействия против Германии имел существенное значение, когда Польша подписывала декларацию с гитлеровской Германией о неприменении насилия (26.01.1934 г.). После ухода Германии из Конференции по разоружению и из Лиги наций польские правительственные круги решили больше не вмешиваться в дела разоружения²⁴.

Польско-немецкая декларация с 1934 г. была критически принята Советским Союзом, в правительственных кругах которого существовали сначала опасения, что рядом с явной декларацией Польша подписала с Германией тайный договор направленный против Советского Союза. Потом эти опасения уступили место рациональной критике польской внешней политики, которая выступала против концепций коллективной безопасности и все более совпадала с немецкой точкой зрения на важнейшие вопросы европейской безопасности.

В новой для Польши политической конфигурации 1934 г. польская дипломатия отрицательно отнеслась к советским попыткам с 26.05.34 г. преобразования Конференции по разоружению в Постоянную Мирную Конференцию, которая должна была бы приняться за разработку конвенции о сокращении и ограничении вооружений, а также за образование соответствующих средств гарантирующих безопасность и выполнение конвенции. Для польской стороны важнейшей целью было недопустить к легализации вооружений гитлеровской Германии, а также довести к ограничению круга рассматриваемых вопросов только до тех, которые могут получить всеобщее одобрение, но в пределах Конференции по разоружению. В Министерстве иностранных дел считалось, что возникает противоречие между предложениями советской делегации и существованием Лиги наций. Избегая существенной дискуссии над предложениями М. Литвинова, польский министр иностранных дел поставил под сомнение необходимость преобразования конференции в „эманацию Лиги наций”, которая сама не может достичь целей назначенных ей Пактом Лиги²⁵.

²⁴ См. подробности: W. Michowicz, *Genewska Konferencja Rozbrojeniowa...*, с. 329–351.

²⁵ Документы внешней политики СССР, т. 17, док. 179, с. 358–359; J. Beck, *Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1937*, Warszawa 1938, с. 118.

Поэтому с удовольствием были приняты в Варшаве критические мнения других государств о инициативе СССР, а также решение Общей Комиссии конференции (8.06.1934 г.) передать весь вопрос для рассмотрения заинтересованными правительствами в рабочем порядке. Осенью принялось еще за этот вопрос Бюро Конференции по разоружению, велея рассмотреть концепцию Мирной Конференции комитетом общих распоряжений. В конце концов быстрый ход международных происшествий а прежде всего интенсивные немецкие вооружения, сделали неактуальной целую проблему разоружения. Было знаменательным, что до конца января 1935 г. только шесть государств высказалось по делу предложений преобразования Конференции по разоружению в Постоянную Мирную Конференцию: положительно – три юго-американские государства, отрицательно – Голландия, Австралия и Канада. В такой ситуации вся проблема натуральным образом потеряла свою силу. Вскоре также перестала функционировать сама Конференция по разоружению²⁶. В октябре 1935 г. умер ее руководитель А. Хендерсон. Конференцию не в состоянии было оживить последнее заседание ее Бюро 31.05.1937 г., которое формально можно считать окончанием функционирования Конференции по разоружению²⁷.

Парадоксом истории было, что два соседних государства, искренне заинтересованных в ограничении вооружений не принялись сотрудничать на международном форуме по делам разоружения. Стечение политических и военно-стратегических проблем причинило, что оба государства не стали партнерами, а соперниками в происходящей политической игре за осуществление идеи всеобщего как и частичного разоружения.

Waldemar Michowicz

POLSKO-RADZIECKIE ROZBIEŻNOŚCI W DZIEDZINIE ROZBROJENIA W OKRESIE MIĘDZYWOJENNYM

Problem rozbrojenia był w okresie międzywojennym odmiennie traktowany przez dyplomację polską i radziecką, pojmowany jako część składowa doktryny bezpieczeństwa. Stanowisko Polski warunkowały następujące czynniki: poczucie zagrożenia ze strony Niemiec i Rosji – państw zwalczających ład wersalski i współpracujących ze sobą (do 1933 r.) w dziedzinie politycznej, gospodarczej i wojskowej; dążność do zachowania wojskowych klauzul traktatu wersalskiego; zawarte sojusze polityczno-wojskowe z Francją i Rumunią; antyradziecka

²⁶ M. Leczyk, *ZSRR a problemy rozbrojenia w okresie międzywojennym*, [w:] *Armia, wychowanie, polityka. Dwadzieścia lat WAP*, Warszawa 1971, c. 104.

²⁷ Об агонии Конференции по разоружению – см.: А. М. Брзеziński, *Dyplomacja francuska wobec Konferencji Rozbrojeniowej w Genewie (2.05.1932–31.07.1937)*, Łódź 1987, c. 343.

orientacja polityczna sfer rządowych i wojskowych; doświadczenie historyczne państwa polskiego, które przestało istnieć w XVIII w., m. in. w wyniku redukcji swoich sił zbrojnych.

Stanowisko ZSRR w kwestii rozbrojenia określały potrzeby obronne europejsko-azjatyckiego terytorium, przesłanki ideowo-polityczne państwa nowego typu, marksistowsko-leninowskie rozumienie militarystyki jako sprawcy wojen, poczucie zagrożenia ze strony otoczenia państw kapitalistycznych, traktowanie Polski nie jako samodzielnego państwa lecz jako instrumentu mocarstw imperialistycznych (zwłaszcza Francji).

Podczas konferencji rozbrojeniowej w Moskwie w 1922 r. Polska odrzuciła – wraz z państwami bałtyckimi – radzieckie plany redukcji sił zbrojnych o 75%. Forsowała koncepcję uprzedniego zawarcia paktów o nieagresji jako elementu wzmacniającego bezpieczeństwo i dążyła do zachowania istniejącego poziomu swoich sił zbrojnych.

Delegacja polska uznała za akty propagandowe radzieckie propozycje zarówno w sprawie powszechnego i całkowitego rozbrojenia, jak i stopniowej redukcji zbrojeń, zgłoszone podczas sesji Komisji Przygotowawczej do Konferencji Rozbrojeniowej w Genewie w 1927 i 1928 r.

Podczas Konferencji Rozbrojeniowej (1932–1937) Polska nie poparła radzieckich planów całkowitego rozbrojenia, jak i proporcjonalnej redukcji sił zbrojnych, a także propozycji przekształcenia Konferencji Rozbrojeniowej w Stałą Konferencję Pokojową. Zadecydowały o tym zarówno nieufność wobec szczerości strony radzieckiej, jak i udzielanie przez delegację ZSRR poparcia dla niemieckich żądań w sprawie równouprawnienia. Z kolei ZSRR odniósł się krytycznie do polskich planów tzw. rozbrojenia moralnego, mających na celu zwiększenie zaufania między Państwami i zachowanie status quo politycznego i zbrojeniowego w Europie. Jediną płaszczyzną, na której doszło do ograniczonej współpracy między ZSRR a Polską były rokowania w sprawie konwencji o określeniu agresora.